

Глава 17. Веселье перед полуночью (Окончание)

Гил вкратце объяснил Кевину правила кукольной лавки «Ночь», а затем подвёл его к маленькой девочке. Малышка бережно прижимала к себе хорошенькую куклу, не в силах с ней расстаться, и робко переминалась с ноги на ногу, явно желая о чём-то спросить.

Кевин смерил её взглядом сверху вниз и высокомерно произнёс:

— Позволяю тебе высказать свою просьбу.

— Понимаете, господин... — прошептала девочка, потупившись и не смея взглянуть на благородного господина. — Мне так нравится эта кукла... но у меня совсем нет денег.

— Забирай.

Малышка изумлённо уставилась на него:

— Г-господин?

— Истинный дворянин не позволит женщинам и детям сокрушаться из-за презренного металла, — Кевин небрежно потрепал девочку по макушке и указал на выход. — Иди, дитя.

Проводив первую гостью, Гил повернулся к Кевину:

— Ты только что отдал мою куклу даром.

— Разве благородный муж может отпустить дитя разочарованным? Она — нежная роза, на которой ещё не выросли шипы. Её следовало бы укрыть под стеклянным колпаком, бережно лелеять и ждать, пока наступит час сорвать цветок.

Гил лишь пожал плечами. Впрочем, ладно, он и сам бы не стал отбирать у сироты игрушку. Кукла выбрала девочку, а девочка — куклу; они прижимались друг к другу с такой нежностью, что Гил, вечный одиночка, невольно почувствовал укол зависти. Наверное, всё дело в его непростых отношениях с Эвией — здешние игрушки его откровенно недолюбливали.

Следующим покупателем оказался искатель приключений. Обнажив меч, он яростно рубился с огромным, ростом со взрослого мужчину, а то и больше, игрушечным медведем-воином. За спиной плюшевого бойца висел топор, тоже сшитый из ткани. Обычно дети безбоязненно карабкались по медведю, хватали его за оружие, а тот лишь добродушно кружился, стряхивая их с себя. Никакой опасности он не представлял.

Но стоило к нему подойти искателю приключений, как медведь-воин внезапно преобразился. Он выхватил свой суконный топор и обрушил его на пришельца. Авантюрист инстинктивно выставил блок и тут же испугался: вдруг испортит чужую игрушку, и придётся платить? Однако, к его изумлению, тряпичное оружие не пострадало. Клинок встретил топор с тяжёлым, глухим звоном, и бойцы разошлись. Почувствовав скрытую в плюшевом теле недюжинную силу, мужчина ахнул. Кровь его закипела. Забыв обо всём, он ринулся в бой, и они с медведем сошлись в неистовой, равной схватке.

Детвора испуганно брызнула в стороны. Сражающиеся постепенно сместились к выходу, и битва продолжилась уже на улице, мгновенно собрав толпу зевак.

Когда бой утих, разгорячённый и слегка запыхавшийся воин подошёл к Кевину и Гилу. Рядом послушно шагал потрёпанный медведь. Мужчина по-дружески стукнул кулаком о мягкую лапу зверя.

— Я покупаю его, — объявил искатель приключений. — Сколько с меня?

Кевин окинул его неторопливым взглядом:

— Имейте в виду: когда вы вернётесь домой, этот медведь вряд ли станет драться с вами снова.

— Понимаю, почтенный, но он мне чертовски приглянулся, — добродушно ухмыльнулся воин, почесав затылок. — Я привык доверять своему чутью. Пусть это просто игрушка, но этот парень лучше любых других! К тому же дома мне как раз не хватало чего-то подобного.

Кевин запустил пальцы в густой плюшевый ворс на шее зверя, отыскал ярлык и бесстрастно назвал сумму.

На лице искателя приключений отразилось сомнение:

— Ого... А не многовато ли?

— Очевидно, уважаемый гость прибыл издалека, — вкрадчиво заметил Кевин. — Присмотритесь: этот медведь уникален. Работа тончайшая, швы крепкие — такая вещь станет достойным украшением вашего жилища. К тому же вы только что провели с ним славную схватку. Даже если однажды вы решите остепениться и позабудете о походах, один взгляд на него воскресит в памяти ваши лучшие дни в этих краях. Разве я не прав?

Льстивые речи Кевина пришлись воину по душе. Денег у него хватало, просто душила жаба отдавать целое состояние за обычную, казалось бы, тряпку, которая дома превратится в пылесборник. Но доводы торговца звучали чертовски убедительно. Прикинув так и этак, авантюрист махнул рукой:

— Ладно, твоя взяла. Идёт!

И довольный покупатель ушёл, бережно прижимая к себе огромного медведя.

Гил, наблюдавший за этой сценой от начала до конца, удивлённо приподнял брови:

— А ты мастак. Раньше доводилось торговать?

Кевин явно не желал пускаться в откровения. Он лишь сухо качнул головой:

— Дела давно минувших дней. Наша задача сейчас — распродать этот хлам.

— Выручка не имеет значения, — возразил Гил, вспомнив наставление матери. — Главное, чтобы каждая игрушка нашла своё счастье.

Он вкратце пересказал Кевину её слова и пожал плечами:

— Хорошо бы, если бы ты это понял.

Кевин снисчительно усмехнулся, и в его глазах блеснуло привычное высокомерие:

— О, я прекрасно понимаю. Продать товар нужно так, чтобы покупатель ушёл счастливым и ещё остался тебе должен. В идеале — чтобы сам помогал тебе пересчитывать твои монеты.

«Не совсем то, что я имел в виду, но ладно, сойдёт за общее понимание»

Гил лишь примирительно кивнул:

— Ну... можно сказать и так. Рад, что мы сошлись во мнениях. Кстати, Дейчи ещё не пришла? Ладно, давай займёмся следующими клиентами.

Он указал на супружескую пару, которая в стороне подсчитывала наличность. Их сынишка верхом на пушистом игрушечном псе весело катался по залу, заливаясь звонким смехом.

При виде этой картины Гил поморщился.

— Кто из нас пойдёт объяснять родителям, что за эту собаку им придётся выложить тройную цену? — спросил он Кевина.

Кевин недовольно насупился:

— С какой стати? По-моему, они прекрасно ладят.

— Твоя логика здесь не работает, — терпеливо пояснил Гил. — Ночью в этой лавке правила устанавливают игрушки. Не люди выбирают их, а они — людей. Если бы этот пёсик сам не потянулся к мальчишке, я бы вообще близко его не подпустил.

Кевин равнодушно пожал плечами:

— Твоё дело. Раз уж тебе так хочется верить в эту чушь.

Для Кевина и эти дешёвые поделки, и простые обыватели были одинаково ничтожны. Он не видел между ними разницы, а потому не считал нужным спорить со своим будущим рыцарем о том, кто над кем довлеет. В конце концов, подобные препирательства оскорбляли его дворянское достоинство.

Но стоило ему сделать шаг к семейству, как мальчишка, вцепившись в уши плюшевого пса, резко крутанулся на месте. Кевин едва успел уклониться от таранного удара детским лбом. Ловко перехватив сорванца за плечи, он поднял взгляд и наткнулся на ледяные взоры родителей.

Супруги стояли, насупившись, и с явным недоброжелательством разглядывали незваного гостя.

— А ну руки прочь от моего сына! — гроыхнул отец семейства, чей бас заставил вздрогнуть окружающих. — Ты ещё кто такой? Новый зазывала? О чём только думает Ягоба, пуская сюда подобных типов!

Кевин, не привыкший к подобному обращению, мгновенно побелел от ярости.

— Сброд! — процедил он сквозь зубы. — Кто позволил тебе разевать на меня пасть? Будь мы в моих землях, тебя бы в тот же миг вздёрули на дыбу — и тебя, и твоего невоспитанного щенка!

Мужчина побагровел. Он шагнул вперёд, нависая над Кевином всей своей массивной, как скала, фигурой. Уперев руки в бока, гигант угрожающе наклонился и протянул лапищу к воротнику наглеца:

— Слышь, щенок! Живо извинись передо мной и моим парнем!

Кевин даже не шелохнулся. Рядом стоял Гил. Если бы господину пришлось самому драться в

присутствии своего вассала, это стало бы клеймом позора для рыцаря. Но если бы сам дворянин трусливо отступил до того, как его защитник успел обнажить меч, это выдало бы ничтожество господина, не способного ни выбирать людей, ни доверять им.

Гил среагировал мгновенно, перехватив занесённую руку кузнеца.

— Дядя Тор, прошу вас, не надо устраивать сцен, — негромко, но твёрдо произнёс он, глядя великану прямо в глаза.

Этот человек был не кто иной, как Тор — местный кузнец. Он славился тем, что ковал лучшие лемеха и топоры в округе, но при этом обладал самым скверным и взрывным характером во всей деревне. В сыне он души не чаял, потакая любым его капризам. А сынишкой его был тот самый сорванец Токвиль, с которым Гил и Кевин давеча повздорили на улице. Токвиль частенько околачивался в кукольной лавке, но Гил заходил сюда редко и не знал об этом. Столкнувшись с ними нос к носу, юноша мысленно проклял свою неудачу.

Тор шутить не любил. Сцепись они сейчас — и Гил рисковал раскрыть свою личность, что принесло бы деревне немало бед. Но и отступать было нельзя: стоявший за спиной Кевин такого малодушия не простил бы. Гордец никогда бы не потерпел оскорбления от безродного деревенщины, а уж тем более — трусости от своего наречённого рыцаря.

Оказавшись меж двух огней, Гил лихорадочно соображал, что делать. Он оглядел притихший зал в поисках хоть какого-то спасения.

«Эвия? На неё положиться нельзя — ещё выдаст с потрохами. Дейчи? Она могла бы отвлечь Тора, но тушить пожар бензином — глупая затея. Сигель? Ну уж нет, этот только всё испортит...»

Оставался единственный человек, способный прекратить это безумие. Гил зажмурился и крикнул на всю лавку:

— Мама!

Ягоба откликнулась мгновенно. Развернувшись, она быстрыми шагами направилась к им. Быстро оценив обстановку, женщина с мягкой, успокаивающей улыбкой встала точнёхонько между сыном и разгневанным кузнецом.

— Тор, Яви, Токвиль, дорогие мои, — ласково заговорила она, разделяя мужчин. — Не нужно ссориться. Ступайте сегодня домой, хорошо? А в следующий раз я обязательно сделаю вам хорошую скидку. Договорились?

При звуках этого кроткого, певучего голоса гнев кузнеца улетучился, словно его и не бывало. Супруги переглянулись, их напряжённые лица расслабились. Буркнув слова прощания, они

забрали притихшего сына и покорно вышли на улицу.

Ягоба заправила выбившийся локон за ухо и с понимающей улыбкой посмотрела на юношей.

— У вас всё в порядке? — тихо спросила она. — Если помощь больше не нужна, я вернусь к прилавку. До встречи, Гил.

Гил молча кивнул ей и поспешил скрыться в своём излюбленном тихом уголке между стеной и стеллажом. Он не поднимал глаз, но кожей чувствовал на себе пристальный, тяжёлый взгляд Кевина.

«Вырвавшееся «мама» могло стать роковой ошибкой. Хорошо, что я произнёс это сам, спонтанно — так это выглядело почти естественно. Если бы Тор успел назвать Ягобу моей матерью, у Кевина точно возникли бы ненужные подозрения»

Гил напряжённо ждал неминуемых расспросов о том, кем ему приходится хозяйка лавки. В голове уже складывалась очередная слезливая история, способная растрогать даже этого высокомерного столичного хлыща.

Однако вместо подозрений он услышал ехидный, приправленный лёгким раздражением голос Кевина:

— Надо же, неужели ты настолько без ума от этой девчонки? Что в ней такого особенного, Эвии этой, раз ты её мать уже матушкой величаешь?

Гил онемел от изумления. Он открыл было рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Сглотнув, он решил промолчать. Версия Кевина оказалась куда краше и безопаснее любых оправданий, а главное — аристократ никогда не усомнится в собственной проницательности.

Смятение и растерянность на лице Гила лишь подтвердили догадку Кевина.

— Я не вправе читать тебе нотации, — Кевин многозначительно посмотрел на него и сокрушённо вздохнул, — но помни: порочная страсть к незрелым девам — грех, неугодный богам.

Он небрежно взмахнул рукой. Минуту спустя из толпы покупателей вынырнули Дейчи и Сигель. Заметив Гила, они удивлённо поприветствовали его.

— Впрочем, твои пристрастия — твоё личное дело, хотя жаль, боец ты многообещающий, — Кевин накинул на плечи плащ и коротко кивнул Гилу. — Мы ведь так и не договорились о встрече. Жду тебя послезавтра, в восемь утра, на поляне справа от опушки у въезда в город.

Он развернулся к выходу из лавки:

— Я докажу тебе, что эта девчонка недостойна. Ни быть нашей спутницей, ни принимать твою любовь.

В этот миг под куполом лавки беззвучно рассыпался прощальный искристый салют, и залы залил обычный, тёплый свет масляных ламп. Волшебство рассеялось без следа. На полках и коврах вновь лежали самые обычные, безжизненные тряпичные куклы.

Наступила полночь.

<http://bllate.org/book/19038/2040058>